Посвящается тарскому историку, краеведу Александру Александровичу Жирову, которому 1 января 2020 года исполнилось бы 65 лет

В 2000 году, посещая Историческую библиотеку Москвы и просматривая сибирские журналы, я ознакомилась со статьями Александра Александровича Жирова о провинциальном купечестве Сибири. Моё внимание привлекли фотографии, размещённые в статье «Тарские кяхтинцы» журнала «Земля Иркутская» за 1997 год. Фотографии были малы, но лица походили на лица фотопортретов нашего домашнего архива. Посмотрев фамилию автора статьи, решила непременно установить с ним связь. Узнав, что автором является тарский историк, краевед, кандидат исторических наук, позвонила в Исторический архив Омской области, где фамилия Жирова была хорошо известна, поэтому узнать адрес и телефон Александра Александровича в Таре не составило труда. Позвонив ему, попросила разрешения выслать письмо, в котором изложу повод моего обращения. Так началась небольшая переписка (рукописные письма Александра Александровича сохранены).

Одновременно в Исторической библиотеке ознакомилась с «Краткой энциклопедией по истории купечества и коммерции Сибири», изданной в Новосибирске в 1994 – 1999 гг., куда А. А. Жировым была представлена информация по отдельным сибирским купеческим родам. В 2012–2013 гг. она вышла дополненная и переработанная, малым тиражом. До Москвы подобные издания не доходят, и познакомиться с ними можно лишь в Исторической библиотеке.

Личное знакомство с А. А. Жировым вскоре состоялось в Москве, где я увидела глубокую личность, одновременно открытого и лёгкого в общении человека. Александр Александрович приезжал в Москву несколько раз для работы в читальном зале отдела диссертаций Российской государственной библиотеки. Наше общение было обоюдно полезным, поскольку Александр Александрович, тщательно исследуя архивы по тарскому купечеству, уделил особое внимание роду Немчиновых как самому крупному роду в Таре. Приезжая в Москву, Александр Александрович был у Пятковых, встречался с В. В. Бараевым (бурят-журналист, живший в Москве), с историком-краеведом из Подмосковья В. В. Цоффкой (научный сотрудник музея А.С. Пушкина в Больших Вяземах).

А. А. Жиров – один из тарских историков, который начал тщательно исследовать материал по сибирскому провинциальному купечеству, ибо до 90-х годов XX века и речи быть не могло о том, чтобы вспоминать ненавистных «аспидов-эксплуататоров», которые оставили после себя память в виде построенных зданий театров, университетов, музеев, библиотек, которые открывали первые банки в Сибири, строили богадельни, учебные заведения для детей малоимущих семей, финансировали научные экспедиции, занимались церковной благотворительностью, проводили городские коммуникации и делали многое другое для обустройства жизни людей, что позволило сибирским городам по своей архитектуре и благолепию походить на столичные, европейские города.

Городу Таре повезло, что в нём родился и прожил полную творчества жизнь учёный, который приоткрыл дореволюционный период жизни города. К сожалению, в малых городах Сибири к дореволюционному прошлому обращаются мало, так, например, в Кяхтинском краеведческом музее им. В. А. Обручева, где богатый фонд редкой книги, исторический материал более 100 лет лежит «мёртвым грузом», не оцифрован и не введён в научный оборот. В музейном отделе фонда редкой книги должны находиться исторические документы, не переданные в Государственный архив

Забайкальского края (г. Чита), Государственный архив республики Бурятия (г. Улан-Удэ) или в дореволюционный фонд Исторического архива в Улан-Баторе. Из-за инертности и отсутствия краеведческой работы дореволюционного периода не Кяхта, а Кунгур стал называться «чайной столицей Российской империи», в то время как в XIX веке вся чайная торговля велась через Кяхту, а позже через Иркутск (при переносе в 1861 году таможни из Кяхты).

Моё общение с А. А. Жировым длилось в течение шести лет. В 2006 году планировалось собранный по Немчиновым материал от Сибири до Дальнего Востока обобщить, издав книгу, но, как сказал поэт, «беспощадна судьба, наши планы круша…»

Накануне юбилея А. А. Жирова (1 января 2020 года ему исполнилось бы 65 лет) в очередной раз вспомним настоящего, не кабинетного, историка, краеведа, который одним из первых возродил имена сибирских купеческих родов, незаслуженно забытых в СССР. Сибирское купечество ещё ждет своих исследователей. Научные статьи, написанные даровитым историком-краеведом А. А. Жировым, останутся в памяти потомков и будут востребованы следующими поколениями учёных и всеми, кто интересуется историей России. Прошлое требуется осмыслить, извлечь из него позитивные и негативные уроки и понять, как оно влияет на настоящее и будущее.

Любовь Владимировна Лигай
(праправнучка Якова Андреевича Немчинова
и правнучка Надежды Яковлевны
Чернядевой, в девичестве Немчиновой),
г. Москва

Чернядевы

Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем.
В. Г. Белинский

Часть 1-я

С малых лет я слышала от бабушки, что её родители и прародители были сибирскими золотопромышленниками, но рассказывалось это в форме сказки. Частично сохранились фотопортреты, открытки, письма второй половины XIX века. В 1992 году, когда появилась возможность заглянуть в государственные архивы, я начала пытаться пополнить и свой домашний архив.

С нахлынувшим на Россию после 1991 года безудержным капитализмом народ охватила «коммерческая лихорадка», многие решили обратиться к истории дореволюционного предпринимательства, чтобы малость поучиться купеческому опыту, поскольку именно купцы были двигателями развития великой Российской Империи. Одновременно историки не упустили возможность приоткрыть некогда закрытую, казалось навсегда, тему сибирского провинциального купечества, которая до сих пор не получила должного освещения в отечественной историографии и не стала предметом специального исследования.

Купечество в дореволюционной Сибири играло бо́льшую роль в сфере коммерции, общественной жизни, культуры, чем в Центральной России. В Сибири не было поместного дворянства, в основном дворяне были на службе либо в ссылке. Купечество Сибири занимало ту нишу, которую в Европейской России занимало дворянство. Сибиряки говорили: «Дворян здесь нет, чиновники – люди без состояния, живущие одним жалованием и кое-каким хозяйством, но по весу и значению в обществе господствующий класс есть – купцы…».

Статья является в некоторой степени продолжением темы провинциального

купечества малых городов Сибири, основоположником которой в Таре является А. А. Жиров (1955–2007). При написании использованы архивные документы, научные работы, музейный материал и частично сохранившийся домашний архив.

В бурных событиях начала XX века многие архивы погибли, так и оставшись неизвестными, словно их не существовало. После октября 1917 г. обитатели усадеб покинули их, и лишь некоторые успели сохранить домашние архивы. В большинстве случаев усадьбы вместе со всем имуществом, библиотеками, архивами оказались брошенными. Что произошло с купеческими капиталами, хорошо известно. После революции всё было национализировано, вплоть до личных вещей, а сами купеческие семьи выселялись из своих домов. Учёные в начале XX века выступали в защиту гибнущей «семейной письменной старины», понимая огромное значение семейных архивов, отражающих «душу наших прародителей». Документы, попавшие в государственные архивы, гибли из-за отсутствия условий хранения и были не всегда доступны для исследователей.

Доступность изучения архивных документов появилась благодаря Постановлению ВС РФ от 19 июня 1992 года № 3088-I «О временном порядке доступа к архивным документам и их использования», которое разрешило предоставлять архивные документы всем гражданам. С распадом СССР началась перетасовка архивных документов и их передача из одного архива в другой. При полном отсутствии технических средств в государственных архивах отыскать нужные документы было невозможно, а архивные работники не были готовы к наплыву не только историков, краеведов, но и людей, жаждущих получить первоисточники по своему роду.

Наступил XXI век, но огромный пласт архивных документов так и не оцифрован, не созданы электронные архивы, доступные для ознакомления с ними. Кроме того, существует позиция руководства крупных государственных архивов: частных лиц к архивным фондам не допускать, хранить всё в секрете. Как принято было говорить в старину, «поспешай», ибо может наступить момент, когда архивы вновь закроют или часть их, например по Восточной Сибири, передадут (продадут) в архивы Монголии. Процесс начался.

Основным предметом моих исследований были прежде всего оригиналы архивных документов. Как я уже отмечала, состояние государственных архивов, с которыми пришлось столкнуться, подтолкнуло меня не откладывать поиск на потом, когда в архивах будет наведён порядок и документы оцифрованы (в 73 года откладывать уже некуда). Именно поэтому, узнав, что в г. Таре с 2015 года выходит альманах «ТарЯне», где есть историко-краеведческая рубрика, подумала о том, что у людей, расположенных к получению исторической информации, может возникнуть интерес.

Прошло более 100 лет, носителей информации из купечества давно нет в живых. В семьях жителей Тары, возможно, сохранились фотографии дореволюционного периода, но не все ныне живущие испытывают интерес к дореволюционному периоду жизни, хотя «купеческая тема» после 90-х годов XX века стала популярна. В период с 1920 по 1990-е годы не было принято упоминать о купечестве.

Д. А. Чернядев. 1873 г.

Но, не зная своего прошлого, трудно двигаться в будущее. Статья, которую решила написать в альманах «ТарЯне», связана с жизнью тарского, томского, иркутского купца 1-й гильдии, золотопромышленника Дмитрия Алексеевича Чернядева, приходящегося зятем тарскому и кяхтинскому купцу 1-й

гильдии, золотопромышленнику XIX века Якову Андреевичу Немчинову, имя которого воскресло стараниями тарского историка А. А. Жирова. Я. А. Немчинов родился в Таре, но юным уехал к родственникам в Забайкалье, Троицкосавск (Кяхта), где обосновался, создав семью, прожил всю жизнь вблизи монгольской границы, там и завершил свой жизненный путь.

Предыстория

Дмитрий Алексеевич Чернядев, 1840 г. р., родом из Вятской губернии. Род известен на Вятке с XVII века. Чернятев, Чернядев, Чернятин – это северо-восточный род.

Имя Чернядева Дмитрия Алексеевича упомянуто в «Иркутских губернских ведомостях», №6 за 1871 год, – официальной газете Иркутской губернии, которая издавалась в период с 1857 по 1917 годы. В Иркутске жили родственники: Чернядев Василий Иванович (1809–?), гласный Иркутской городской думы (28.11.1872–1876), председатель попечительского совета Михеевской больницы, и Чернядев Иван Васильевич – иркутский 1-й гильдии купец (ок. 1832–?), гласный Иркутской городской думы (1881–1893), с 1889 года член комиссии для ознакомления с положением дел в Михеевской больнице (ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 100; Известия Иркутской городской думы. 1886. Т. 1. №7–8. С. 369).

С принятием в 1812 году Сенатом Российской империи указа «О предоставлении права всем Российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну подати» определённые сословия, которым разрешалась добыча золота, в 30-х годах XIX века начали заниматься разведкой металлов, что привело к эпохе «золотой лихорадки», которая способствовала развитию торговли в Сибири. Золото искали повсюду. К 1861 году разрешение на добычу золота получили 417 купцов первой и второй гильдии. Накопленные в золотопромышленности капиталы вкладывались в развитие пароходства, торговлю с Китаем, Монголией, а часть их направлялась через благотворительность в образование и на различные социальные нужды жителей Сибири.

В январе 1866 года родственник Д. А. Чернядева, Василий Иванович Чернядев, зарегистрировал на своё имя Пророко-Ильинский прииск на реке Ныгри, где россыпи требовали детальной, глубокой разведки. В этих местах жили якуты – охотники, скотоводы и тунгусы, кочующие в тайге со стадами оленей. Тунгусы не знали о золоте, а найденный самородок привлекал их как блестящий диковинный предмет. Купечество, в отличие от тунгусов, знало цену золоту, и небольшие поисковые партии разбрелись по суровой приленской тайге, где и было найдено золото на реке Ныгри.

В 1876–1877 годах Иван Васильевич Чернядев с членами Императорского Общества для содействия русскому торговому мореходству снарядили собственную экспедицию. Начальником экспедиции был назначен Х. И. Даль. В течение 53 дней была составлена подробная карта побережья Обской губы с нанесёнными данными глубинных промеров и маршрутов для прохождения судов от г. Обдорска (до 1933 г. Ямало-Ненецкого АО) до реки Ниды. Кроме составления подробной карты маршрута были обследованы прилегающие территории. Значительное место в изысканиях было уделено сведениям о судоходстве на реках Обского бассейна. Русские впервые увидели реку, когда охотники и купцы вместе с проводниками-зырянами ходили за Уральские горы. И до завоевания Ермаком Сибири край вокруг Оби назывался Обдорским.

Чернядевы стали потомственными почетными гражданами, что в то время было одной из форм поощрения за какие-либо заслуги. Д. А. Чернядев в январе 1888 года значился тарским купцом 1-й гильдии. Тесть, Я. А. Немчинов, рождённый в Таре, значился тарским, кяхтинским, верхнеудинским

купцом 1-й гильдии и выбирал гильдийское свидетельство по Таре с 4 июля 1856 года (РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Дела о потомственных почетных гражданах).

Браки дочерей в семействе Я. А. Немчинова рассматривались в некоторой степени как «коммерческое слияние капиталов», поскольку брачный союз мог как укрепить финансовое положение купца, так и способствовать его разорению, поэтому брак заключался с согласия родителей. Сохранить честь, а вместе с тем и финансовое благополучие семьи можно было только установив внутрисемейные традиции, передававшиеся из поколения в поколение. Патриархальность и семейные традиции Якова Андреевича Немчинова (тестя) были приняты и семьёй Чернядевых.

Н. Я. Чернядева (Немчинова). 1873 г.

Дмитрий Алексеевич Чернядев был женат на одной из дочерей Я. А. и А. Г. Немчиновых, Надежде Яковлевне. Тесть, Я. А. Немчинов, был одним из крупнейших миллионеров Сибири того времени, и за каждой из дочерей им давался в приданое один миллион золотых российских рублей.

В метрической книге Кяхтинской Воскресенской церкви 17 января 1873 года записано о бракосочетании иркутского купца первой гильдии Дмитрия Алексеевича Чернядева, которому было 33 года, и Надежды Яковлевны (21 год). Поручителями по жениху были Осокин Михайло Онуфриевич, кяхтинский купец первой гильдии, Маркин Иван Иванович, нерчинский купец первой гильдии. Поручителями по невесте были Пахолков Феодосий Иванович, иркутский купец первой гильдии, и Лаврентьев Дмитрий Михайлович, потомственный почётный гражданин. Совершали таинство бракосочетания священник Иоанн Никольский, дьякон Иакин Корнаков, причетник Прокопий Рещиков (ГКУ ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2365. Л. 428 об. – 429).

Поручители жениха и невесты были родственниками. Осокин Михайло Онуфриевич был мужем Веры Яковлевны (в девичестве Немчиновой), Пахолков Феодосий Иванович был мужем Анны Яковлевны (в девичестве Немчиновой), Лаврентьев Дмитрий Михайлович был из рода иркутских купцов XIX века Лаврентьевых, чьи портреты написаны в 1854 году художником Михаилом Ивановичем Песковым (1834–1864), одним из основателей Санкт-Петербургской артели художников. В 1940 году портреты купцов Лаврентьевых были приобретены Иркутским областным художественным музеем, где находятся и сегодня.

Семейная жизнь Чернядевых началась в Иркутске. У Я. А. Немчинова в Иркутске была недвижимость, огромный каменный дом в центре города, и Чернядевы некоторое время жили в этом доме. Дом в перестроенном виде сохранился до настоящего времени (здание Иркутского телеграфа). Кроме того, в Иркутске жили и две замужние сестры Надежды Яковлевны: Христина Яковлевна, вышедшая замуж за Василия Федотовича Колыгина, которая имела роскошный дом в центре Иркутска (сохранён и используется по настоящее время как Дом культуры военного гарнизона), занималась благотворительностью. Другая сестра, Анна Яковлевна, вышла замуж за кяхтинского и иркутского купца 1-й гильдии, потомственного почётного гражданина Феодосия Ивановича Пахолкова, ставшего с 1872 года пайщиком «Бодайбинской золотопромышленной компании», созданной тестем, Я. А. Немчиновым. В 1875 году Ф. И. Пахолков выстроил каменный трёхэтажный дом, но при пожаре в Иркутске 24 июня 1879 года дом сгорел. Не впав в уныние, он отстроил дом заново. Огромная усадьба находилась на центральной улице. Дом был удобным, имел сводчатый подвал,

и в 1893 году известный сибирский книгоиздатель и торговец П. И. Макушин открыл в нём книжный магазин. Анна Яковлевна занималась благотворительностью, жертвовала в пользу арестантских детей, была членом благотворительной организации «Общество для оказания пособий учащимся Восточной Сибири», открытой в Иркутске, почётной попечительницей Мариинской общины сестер милосердия. В 1882 году передала в дар общине купленный за 10 тысяч рублей двухэтажный дом.

О семейных планах Чернядевых говорить сложно, но их перемещение из одного города в другой (Иркутск, Томск, Екатеринбург, Казань, Москва) свидетельствовало о желании приблизиться к Москве, Петербургу. Дети были рождены в Иркутске, Томске, Екатеринбурге (об этом чуть позже).

Промышленно-коммерческая деятельность Д. А. Чернядева

Свету, знания и правды дорогой Сибири!
*П. И. Макушин**

Сибирь считалась и продолжает считаться местом ссылки и несметных природных богатств, где с быстротой формировались огромные капиталы, порой с риском для жизни. Золотопромышленники, занимаясь коммерцией, развивали промышленность, имели предприятия обрабатывающей промышленности, пароходы, вели лесной промысел, занимались торговлей. Разносторонние занятия позволяли получать прибыль в любом случае и «оставаться на плаву». К производству золотого промысла (разведке и добыче) допускались потомственные и личные дворяне, почётные граждане, купцы 1-й гильдии, имеющие свидетельство этой гильдии, почётные смотрители учебных заведений. Дозволение на производство золотого промысла давалось с разрешения министра финансов, причём как для отыскивания, так и для разработки. В случае открытия россыпи золотопромышленник заявлял об этом земскому суду, причём в заявке россыпь должна была быть обозначена. Организация золотодобычи требовала определённого начального капитала, специальных знаний, способности налаживать работу и снабжение очень сложных и подвижных хозяйств, располагавшихся в труднодоступных местах.

Основная деятельность Д. А. Чернядева была связана с разведкой и добычей металлов, он являлся представителем Ленского золотопромышленного товарищества по закупке товаров для богатых Олёкминских и Бодайбинских золотых приисков. Как сейчас сказали бы, он был крепким хозяйственником. В 1870–1880-е годы Дмитрий Алексеевич был владельцем и арендатором 16 медных рудников в Ачинском и Минусинском уездах Енисейской губернии. В 1876 году к нему перешло право владения опытным Спасским медеплавильным заводом (50 паёв из 90). Взяв в аренду у купца И. В. Кулаева медеплавильный завод, чтобы не страдало дело, уволил управляющего Е. Е. Глотова, имевшего, как казалось Д. А. Чернядеву, слабый характер для руководства крупным заводом.

Условия жизни в Сибири, с которыми приходилось сталкиваться Д. А. Чернядеву во время нахождения на приисках, формировали неприхотливость в быту, смелость и настойчивость. В случае необходимости приобретал трудовые навыки и умения, добиваясь тем самым наилучших успехов в коммерции, что подтверждено результатами его промышленной деятельности, для

* В 1873 году в Томске на фасаде первого в Сибири книжного магазина Петра Ивановича Макушина (1844–1926) – книгоиздателя, основателя книжной торговли в Сибири – был размещён лист с портретом царя и словами: «Свету, знания и правды дорогой Сибири!». (Мне это запомнилось, так как у Чернядевых в 1876 году в Томске был рождён старший сын, Дмитрий Дмитриевич Чернядев. Фраза незамысловатая, вполне могла быть написана самим П. И. Макушиным – *авт.*).

достижения которых от Д. А. Чернядева требовалось приложение максимальных физических и интеллектуальных усилий.

По сохранившимся фотографиям Дмитрий Алексеевич Чернядев был строг, подтянут, не похож на купца, изображавшегося в пьесах А. Н. Островского, весь его облик выдавал человека образованного, с сильным характером. По воспоминаниям красноярского купца И. В. Кулаева (1857–1941), эмигрировавшего после 1917 года в США, Д. А. Чернядев был беспощадно требовательным в работе. Следует отметить, что эмигрировавший через Харбин купец И. В. Кулаев был на 17 лет моложе Д. А. Чернядева, именно поэтому его оценка могла быть субъективной. В 1900 году И. В. Кулаев, перебравшись в Харбин во время «боксёрского» восстания в Китае, потерял всё, поэтому и решил навсегда покинуть Россию.

Гильдейское свидетельство Д. А. Чернядев выбирал по Таре, именовался тарским купцом 1-й гильдии и обязан был уплачивать пошлины в тарскую казну, таким образом поддерживая финансовое положение жителей г. Тары. Впоследствии при смене городов гильдейское свидетельство выбиралось в Иркутске и Томске.

Д. А. Чернядев не стремился участвовать в структурах общественного управления, что способствовало бы укреплению различного рода личных связей во властных кругах. Чернядевы меняли города, а исполнение обязанностей по выборам отрывало от основной деятельности, связанной с золотопромышленностью, и не приносило дохода (чиновники не имели тех доходов, что купцы-золотопромышленники 1-й гильдии). Кроме того, тесть Я. А. Немчинов имел различного рода связи во властных кругах городов не только Сибири, но и Европы, что в некоторой степени помогало Д. А. Чернядеву в коммерческой деятельности. А она была обширной.

Так, Д. А. Чернядев планировал постройку с участием тестя Я. А. Немчинова Яковлевского медеплавильного завода, однако опытные плавки убедили в невыгодности этого предприятия. Переехав в Екатеринбург в 1887–1888 году, Д. А. Чернядев поставлял изделия местных заводов на Ленские золотые прииски. Владел золотыми приисками в Олёкминском округе и на Урале, вёл разведывательные работы. Открытый Д. А. Чернядевым в 1890 году прииск Увальный в Витимской системе, недалеко от Бодайбо, принёс в 1893 году 36 пудов 30 фунтов 10 золотников золота.

Ещё пример: Печищенское медное месторождение по реке Малое Печище было открыто в 1847 году. Рядом с рудником начато строительство медеплавильного завода. При лабораторном исследовании химического состава руды она оказалась трудноплавкой, и завод остался недостроенным. Владельцы завода, не имея достаточных средств, в 1878 году сдали его в аренду Я. А. Немчинову, действовавшему через зятя, купца 1-й гильдии Дмитрия Алексеевича Чернядева, которому удалось достроить завод и получить 555 пудов меди. В 1881 году количество добытой меди увеличилось до 700 пудов. Но в 1882 году завод закрылся, так как дальнейшая разработка медных месторождений оказалась неперспективной. А вот память о Д. А. Чернядеве осталась в топониме, который отмечен в топонимическом словаре Шарыповского района Красноярского края: ЧЕРНЯДЕВ ПЕРЕЕЗД – через реку Верхнее Печище в окрестностях села Малое Озеро. Назван по фамилии иркутянина, купца Д. А. Чернядева, который управлял от имени арендатора, своего тестя Я. А. Немчинова, медеплавильным заводом и медными рудниками Печищенского месторождения меди в 1878–1880 (1881) годах.

Горнозаводская статистическая отчётность производительности России в 1881 году свидетельствует о том, что частной компанией Д. А. Чернядева и Я. А. Немчинова на Спасских рудниках Енисейской

губернии добыто медных руд 95 000 пудов на 14 действующих рудниках (Карпинский Л. Горнозаводская производительность России в 1881 году. Горный журнал. 1883. № 5, май. С. 221).

В 1905 году Д. А. Чернядев владел 9 золотыми приисками на Рефте. Рудники находились в районе золотой полоски. На каждом имелись дома для управляющего, казармы для рабочих, конюшни, бани, амбары, кладовые. Золотые прииски Д. А. Чернядева, расположенные с 1907 года в Каменской даче, не действовали с 1 сентября 1914 года за неимением рабочих рук. Каменская лесная дача была недоступна для частных золотоискателей до 70-х годов XIX века. Она вяло разрабатывалась казной, хотя здесь сохранилось больше мест с богатым содержанием драгметалла. За Д. А. Чернядевым были закреплены прииски Никифоровский, Дорофеевский, Алексеевский, Стрелковский, Надеждо-Яковлевский. На рефтинской земле, в недрах которой ветвились золотые жилы, остались только упорные промышленники. В 1909 году Д. А. Чернядев начал проходку ствола на Дорофеевском прииске.

На берегу Рефта Д. А. Чернядев построил фабрики: амальгамационную, где драгметалл выделялся из рудной массы с помощью ртути, и циановую, где драгметалл выделялся из рудной массы с помощью цианистых солей, – считая, что способ обогащения на построенной фабрике позволит вовлечь в отработку убогие россыпи. Построенная фабрика позволила добыть более 300 кг амальгамированного золота. До этого, ещё в 1850-е годы, русские техники начали решать проблему сочетания извлечения золота из песков при механической их обработке с улавливанием при помощи амальгамации, что повышало процент извлечения металла, особенно той его части, что уходила с мутью.

Но в связи с начавшимися волнениями на приисках, золотопромышленники, лишившись рабочей силы, продавали промыслы за бесценок. В таком состоянии находились и рефтинские прииски, а к 1917 году золотые прииски Рефта оказались разграбленными. В октябре 1920 года паровой котёл с рефтинских приисков Д. А. Чернядева был перевезён на угольные копи «Клара и Лара» рядом с Ирбитскими Вершинами. Какое-то имущество было передано на другие месторождения. До 1924 года рефтинские прииски не работали. Начальник Восточного Свердловского горного округа А. П. Корзухин (родственник Немчиновых, Чернядевых), обследовавший месторождение в начале марта 1925 года, пришёл к выводу, что в таком техническом состоянии эксплуатировать его невыгодно. В 1928 году рефтинские прииски переданы Аятско-Шайдурихинскому управлению всесоюзного золотопромышленного общества «СОЮЗЗОЛОТО».

После установления советской власти в отношении дореволюционных купцов-промышленников наступил период репрессий и лишение их с 1918 года избирательных прав. Репрессии начались сразу после установления советской власти, затем продолжились с конца 1920-х по 1930-е годы. Некоторые, пережившие начальный период, были репрессированы в 1937–1938 годах. Аресты, конфискация различного домашнего имущества, выселение из домов происходило повсеместно, и Москва, где на тот момент находились Чернядевы, не была исключением. Что происходило в Москве в те трагические послереволюционные годы, описано многими очевидцами событий.

Мне неизвестно об обращении Д. А. и Н. Я. Чернядевых в московскую избирательную комиссию с просьбой вернуть избирательные права, ведь к тому времени Чернядевы находились в преклонном возрасте и не смогли бы предоставить справки с мест трудоустройства послереволюционного периода. Многие из бывшего купечества, что были моложе годами, оказались в эмиграции. Архивные материалы

послереволюционного периода жизни Чернядевых в Москве не изучались в связи с их отсутствием. Архивные документы, например Клинского архива, были утрачены при жестоких боях в Клину в период Великой Отечественной войны.

Необходим дальнейший сбор материала для воссоздания более точной картины событий жизни Чернядевых после 1917 года.

Размер капитала семьи Чернядевых после 1917 года установить вряд ли возможно, и нет в этом особого смысла. Капиталы сибирских купцов-золотопромышленников могли быть от сотни тысяч до миллионов рублей. Уместно вспомнить, что тесть Д. А. Чернядева, тарский и кяхтинский купец Я. А. Немчинов, обладал капиталом от 17 млн до 48 млн рублей. Кроме того, Надежда Яковлевна Чернядева (в девичестве Немчинова), в 1873 году получила приданое в 1 миллион золотых рублей, а после смерти отца в 1894 году унаследовала 500 000 рублей по Духовному завещанию Забайкальского областного правления на 15 июля 1894 года под № 649, что засвидетельствовано в книге явочных актов 19 июля 1894 года за № 183 (Духовное завещание Действительного Статского Советника, почётного гражданина Тары). По тем временам это были большие средства. В царской России каждый рубль имел золотое обеспечение. Не исключено, что часть капитала Чернядевых была обращена в золотые монеты, о чём мне поведала из Ленинграда близкая знакомая Д. Д. Чернядева (старшего сына Чернядевых), Анна Андреевна Портняжина, 1925 г. р.

Впору сказать о том, что в 1897 году был принят Государственным советом и подписан царём закон «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет». В России был установлен золотой монометаллизм. Бумажные рубли обменивались на золотые монеты из расчета 1 к 0,66. Золотой рубль равнялся 0,7 г чистого золота. Были отчеканены золотые монеты номиналом в 5 рублей, 10 рублей – червонец, 7,5 рублей – полуимпериал, 15 рублей – империал. С этого момента и до Первой мировой войны, несмотря на Русско-японскую войну и революцию 1905–1907 годов, русский рубль стал надёжной, свободно конвертируемой валютой.

В начале 1920-х годов большевики почти полностью вывезли за рубеж золотой запас России, доставшийся им при захвате власти. Из 852,5 т золота стоимостью 1101,1 млн золотых рублей (не считая золота, изъятого у населения), на 9 ноября 1920 года в распоряжении ленинского правительства осталась половина – 422,9 т золота на сумму 546,2 млн руб., плюс в распоряжении большевиков было румынское золото на сумму 117,9 млн руб. (91,3 т). Однако к 1 сентября 1921 года золотой запас РСФСР «усох» до 73 520 849 руб. (56,9 т), израсходовано было и румынское золото на 12,6 млн руб.

P. S. С установлением советской власти ценные бумаги, банковские вклады утратили свое значение. От капиталов семьи Чернядевых к 1917 году не осталось и следа, если только Д. А. Чернядев не смог либо не успел обменять имперские рубли на золотые монеты, потому что в течение года деньги полностью обесценились. А оставаться с таким капиталом в России было небезопасно.

Окончание в следующем выпуске альманаха